

Мы находимся в процессе созидания новой эпохи и, одновременно, адаптации к ней

А.И. Неклесса

Думаю, парадоксы и метаморфозы «классических» категорий возникают при попытках их пристегивания к различным историческим форматам. Действительно, возникает — не всегда, правда, очевидный — соблазн переносить категории из одного исторического формата в другой, из-за чего и происходит путаница.

Я вижу три эпохи, релевантные сегодняшнему рассуждению о консерватизме. Его мутации, равно как и трансформации ряда других устоявшихся определений, от этого обрастают оговорками, определениями, неологизмами — вспомните тот же, упоминавшийся мною ранее, революционный консерватизм или неолиберализм — понятия, которые знаменовали зарю новой эпохи. Действительно, всем трем эпохам свойственны различные доминантные мировоззрения, схемы миростроительства; отсюда — разное содержание, вкладываемое в лексически и мотивационно схожие формы. И главную роль в осмыслении специфики мироустройства играют именно исторические лимитрофы — периоды исторических транзитов.

Период, когда образовался кластер таких «классических» определений, как консерватизм или либерализм, был переходом от аграрно-сословного строя к современному, индустриально-гражданскому миру. В первом — осмысление мира и социальное конструирование происходили в религиозной семантике и соответствующим образом организованном интеллектуальном контексте. Во втором — полемика ведется в идеологическом формате. Консерватизм, либерализм, социализм — все это дети этого мира. Они не принадлежат ни предыдущему историческому пространству, ни той эпохе,

в которую мы вступаем. Что же касается утопий, то они существуют не только в русле социализма. Есть свои утопии и у консерватизма, и у либерализма. Это ни что иное, как своего рода инициации, вовлекающие неопита в ту или иную миро-строительную схему эпохи.

Наконец, третье историческое пространство, третья из рассматриваемых эпох — та, в которую мы вступаем, — есть, так сказать, глобально-индивидуационное пространство, тесно сопряженное с нематериальными активами, включая высокие технологии. В данном пространстве доминирует уже не религиозный и не идеологический формат, а, как бы выразиться, — дискурсивно-практический. Поясню, что это означает... Впрочем, определение уже дано: постмодернизм в его содержательном аспекте, образующем новую целостность, своеобразный гипертекст, который объединяет физическое и психическое, а также то, что сегодня мы определяем как виртуальное, — в новый гештальт. Причем, определяя в качестве основания — практику. Думаю, с какого-то момента и понятие виртуальности будет переосмыслено, а, по сути, возвращено к своим корням именно таким образом: как одновременно конкретная и комплексная реальность.

Внешней оболочкой этого грандиозного транзита является деятельная эклектика — симптом нового, практического знаменателя этой оригинальной сборки реальности, новой семантики, научного и бытового языка.

В качестве примера я бы привлек внимание к тому, что происходит на наших глазах с традиционным идеологическим форматом. Так, «либеральным демократом» обозначен Жириновский, «консерватором» — Грызлов, «социалистом» — то ли Миронов, то ли Зюганов, «демократом» — Митрохин и «либералом» чуть было не оказался Богданов, но стал им Гозман. Мы получаем достаточно репрезентативный ряд. Можно, конечно, сослаться на специфику России. Но вот сегодня в дискуссии неоднократно упоминалась специфика американская. Интересно, что и американский консерватизм,

равно как и либерализм, также мутируют по отношению к привычным, причем я имею в виду не только те процессы, которые происходят в последние годы — да и не только в американской ипостаси «Запада». Сегодня также часто вспоминали Маргарет Тэтчер, являвшуюся главой консервативной партии. Но я бы напомнил коллегам, что идеология, которой она руководствовалась в своей деятельности, называлась «неолиберализм».

Теперь по поводу доклада. Мне показалось, что понимание Михаилом Витальевичем консерватизма носит характер, если можно так выразиться, личного прочтения. Это объясняет, в частности, сочетание христианских постулатов и одновременно защиту идеи национального государства. Сохранение национального государства в исторической перспективе — также утопия, поскольку данная форма государства, социальной общности тесно связана именно с уходящей эпохой Модерна. Фундаментальное противоречие касается и христианских ценностей, по-своему контрастирующих с ценностями эпохи Просвещения. Напомню знаменитое высказывание Иустина-мученика: *«Для христианина всякое отечество — чужбина, и всякая чужбина — отечество»*.

Другим компонентом предъявленного мировоззрения является отрицание релятивизма и защита секулярных и буржуазных («городских») ценностей Модернити. Иначе говоря, те самые парадоксальные смешения, которые можно было бы определить как, скажем, «консервативный либерализм», но по сути это комплексная защита всей совокупности ценностей Модерна как отражения и специфического воплощения христианской социальной практики. Это своего рода «постмодернистский консерватизм», в истоках которого прослеживаются охранительные тенденции по отношению к уходящей эпохе.

Засим хочу поблагодарить докладчика, поскольку все затронутые сегодня вопросы и поднятые проблемы являются

глубоко актуальными. Переосмысление, которое происходит в связи с историческими изменениями, имеет, на мой взгляд, серьезнейшее практическое значение, поскольку непосредственно отражается в кодах, привносимых в политику и практику. Соответственно, позволяя их «декодировать», т. е. понимать и прочитывать должным образом.

А в более долгосрочной перспективе все это позволяет разрабатывать столь необходимый постсовременный категориальный, дискурсивный инструментарий. Время линейной истории закончилось. Происходит пришествие нового мира нелинейных, комплексных, индивидуационных хронотопов, для понимания которых необходим весьма непростой инструментарий.

Реплика (В.И. Пантин):

Александр Иванович, в свое время в журнале «Полис» Вы писали, что надвигающаяся на нас новая реальность связана с возрождением архаики, неархаики...

А.И. Неклесса:

Вы, Владимир Игоревич, наверное, восприняли меня сейчас как апологета возникающего мира. Тут требуется некоторое разъяснение. Я аналитик, а не апологет или противник. В пространстве Модернити существовали разные течения. Точно так же в раскрывающихся мирах Постмодерна возникают различные комбинации — в том числе, упомянутая и чрезвычайно важная тенденция неоархаизации. Равно как актуальный процесс *личностной* индивидуации развивается параллельно пространству массовой культуры, массового общества и т. д. Реалии и категории Модернити изучены достаточно подробно: национальное государство, индустриализм, демократия, прогресс, городская культура и т. д. Что же касается Постмодерна, подобной внятности нет. Это понятно: эпоха находится в становлении, а мы — в процессе ее созидания и, одновременно, адаптации к ней.